

АНДРЕЙ
ВОРОНЦОВ

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕНИ

Андрей Воронцов

Повелительница Времени

«Автор»

2026

Воронцов А.

Повелительница Времени / А. Воронцов — «Автор», 2026

Катя Дежина — обычная московская школьница двенадцати лет. Жизнь её состоит из привычных тревог: не опоздать на математику, не разочаровать маму, которая верит, что Катя «может лучше», пережить насмешки одноклассников. Всё меняется осенним утром, когда во дворе, под старой яблоней, она находит странный предмет — крупное чёрное семечко, тёплое и едва заметно пульсирующее. С этого момента реальность начинает давать трещины. На следующее утро над палисадником появляется огромный летающий арбуз, который не видит никто, кроме Кати. Арбуз оказывается порталом, семечко — ключом, а сама Катя попадает в Школу Хранителей Времени

© Воронцов А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Воронцов

Повелительница Времени

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРЕЩИНА

Глава 1. Семечко

День начался не слишком удачно. Точнее, очень плохо начался этот день. А как ещё, позвольте спросить, может начаться утро, если проспал, завтрак остыл, а за окном серое небо обещает дождь, которого не было в прогнозе?

Так размышляла Катя, торопливо запикивая в портфель учебники и тетрадки. Портфель был старый, с потёртой ручкой и наклейкой в виде единорога, которую она прилепила ещё в третьем классе и с тех пор не решалась отодрать — то ли лень, то ли смутная нежность к той, прежней себе, которая ещё любила единорогов.

— Катя, ты слышишь меня? — донёсся из кухни мамин голос. — Я кому говорю?

— Слышу, слышу, — пробормотала Катя, хотя на самом деле она была так поглощена своими мрачными мыслями, что не слышала ничего, кроме внутреннего голоса, который причитал: «Опоздаешь, опоздаешь, сейчас ты опоздаешь на математику». Математика была первым уроком, и математичка, Нина Сергеевна, имела привычку запикивать дверь ровно в восемь тридцать. Опоздавших она не пускала — стой в коридоре, жди, пока завуч не заметит и не отведёт к директору. Перспектива не из приятных.

— Если ты не поешь как человек, — мама появилась в дверях комнаты, вытирая руки о полотенце, — до обеда будешь голодная. И не ной потом. И вообще — сколько можно сидеть допоздна в телефоне? Я же сказала: в десять гаджеты отключаем. Это что, невыполнимое требование? В твоём возрасте я в десять уже спала!

— Мам, в твоём возрасте не было интернета.

— Тем более. Меньше было поводов не спать.

Катя вздохнула так тяжело, как будто её заставляли таскать мешки с картошкой. Мама была права — будила. Три раза. Первый — в семь пятнадцать, когда Катя пробормотала «ага, встаю» и тут же провалилась обратно в сон. Второй — в семь двадцать пять, когда она села на кровати и честно собиралась встать, но одеяло было тёплым, а воздух в комнате — холодным. Третий — в семь сорок, когда мама уже не будила, а командовала. В результате на сборы осталось пятнадцать минут вместо обычных сорока.

Вчера она до полуночи переписывалась с одноклассниками в чате, потом смотрела видео про дрессировку енотов — почему-то алгоритм решил, что ей это интересно, и она не стала спорить, — а потом ещё полчаса не могла уснуть, прокручивая в голове глупую шутку Матвея на перемене. Он сказал, что её новый рюкзак похож на панцирь черепахи, и все засмеялись, и она засмеялась тоже, хотя шутка была обидной. А теперь ночью она придумала идеальный ответ — «Зато в нём помещается твоя голова, которую ты забываешь дома». Но было поздно. Остроумие всегда приходило к ней с опозданием на несколько часов.

Она отвернулась к окну, и её отражение в стекле — светлые, слегка выющиеся волосы, рассыпавшиеся по плечам, серо-голубые глаза, сейчас потемневшие от спешки — показалось ей чужим. Отличница. Как будто это клеймо какое-то. В прошлом году, когда она получила четвёрку по математике, мама не ругалась — нет, мама никогда не ругалась за оценки. Она просто сказала: «Ты можешь лучше, я знаю». И от этого «ты можешь лучше» становилось в сто раз тяжелее, чем от любого крика.

Странно устроена жизнь. Если бы мама кричала, Катя могла бы обидеться и хлопнуть дверью. А так — обижаться было не на что. Мама верила в неё. Мама знала, что она способна на большее. И это доверие давило сильнее любого крика — попробуй-ка разочаровать человека, который в тебя верит.

— Папа уже ушёл? — спросила Катя, надеясь, что он ещё дома и подбросит её до школы на машине. Папа работал в проектной институте и иногда выезжал позже, и тогда они ехали вместе, и Катя слушала радио и делала вид, что ей нравится классический рок.

— Ушёл. И не надейся — пешком дойдёшь. Десять минут всего.

Десять минут — это если бежать. Обычным шагом — все пятнадцать. До звонка осталось двенадцать.

Катя вздохнула ещё раз, схватила портфель и вылетела в прихожую.

— Куртку застегни! — крикнула мама вдогонку.

— Застегнула!

— Зубы почистила?

— Ну, маааам!

Она натянула кроссовки — белые, вчера вымытые после прогулки по лужам, — и выбежала на улицу, даже не проверив, завязаны ли шнурки. Левый оказался не завязан, но она заметила это, только когда споткнулась о порог и едва не полетела носом на землю.

Осенний воздух ударил в лицо — свежий, чуть влажный после вчерашнего дождя. Небо было серым, низким, как будто кто-то натянул над городом старое одеяло. Но кое-где сквозь тучи пробивались робкие солнечные лучи, и мокрый асфальт блестел под ними так, словно его посыпали толчёным стеклом.

Катя на секунду задержалась у подъезда, переводя дыхание.

Их дом был старым, ещё советской застройки — обычная пятиэтажная хрущёвка из красного кирпича. Кирпич местами потемнел от времени и дождей, а кое-где, под козырьком подъезда, сохранил первоначальный оттенок — тёмно-рыжий, почти оранжевый, как старая черепица. Катя любила этот цвет. Он был тёплым, даже когда небо висело низко и серо.

Их семья жила на первом этаже, в угловой квартире, и прямо под окнами был палисадник — узкая полоска земли, отгороженная от тротуара невысоким бетонным бордюром, какие были во всех старых дворах. Мама выращивала здесь розы — несколько кустов, которые каждое лето расцветали густо-алым и нежно-розовым. Сейчас, в октябре, розы уже отцвели, и ветки торчали голыми прутьями, но на одном кусте, ближе к стене дома, чудом уцелел маленький бутон. Он так и не раскрылся — замер на полпути, схваченный первыми холодами, и теперь стоял, склонив голову, как будто задремал.

За палисадником начинался собственно двор. Пара клёнов у детской площадки, старые липы вдоль дорожек и одна огромная яблоня прямо напротив Катиного подъезда. Яблоне было, наверное, лет пятьдесят, не меньше — ствол в два обхвата, кора потрескавшаяся, как кожа старого слона. Весной она цвела бело-розовыми цветами, и весь двор пах сладко-приторно, так что кружилась голова. А осенью с неё падали мелкие, кислые яблочки, которые никто не собирал — только кот Барсик иногда гонял их лапой по асфальту.

Барсик сейчас сидел прямо под яблоней, на куче опавших листьев. Он был рыжим, толстым и нахальным — из тех котов, которые считают, что мир создан исключительно для их удобства. Летом он спал в маминых розах, раскинувшись поперёк клумбы, и мама ворчала, но не прогоняла. Сейчас он вылизывал лапу с таким сосредоточенным видом, будто от этого зависела его жизнь.

Катя уже почти миновала яблоню, когда что-то заставило её обернуться.

Она сама не поняла, что именно. Не звук. Не движение. Скорее — чувство. Как будто кто-то окликнул её по имени, но не голосом, а чем-то другим. Теплом. Или лёгким электрическим разрядом, пробежавшим по коже. Или тем странным ощущением, когда знаешь, что на тебя смотрят, но никого вокруг нет.

Она остановилась.

Под яблоней было пусто. Барсик закончил вылизываться и теперь смотрел на Катю с выражением лёгкого презрения, свойственного всем котам. Мокрая трава блестела в утрен-

нем свете. У корней валялось несколько кислых яблочек, коричневых и сморщенных, которые никто не удосужился поднять.

И ещё — что-то блеснуло.

Катя прищурилась. Что-то совсем не похожее на засохшее яблоко или кусок коры. Изда- лека оно напоминало семечко — очень крупное, тёмное и почему-то поблескивающее. Блик был странным — не белым, как от воды, а скорее голубоватым, как от светодиода или экрана телефона в темноте. Но солнце светило жёлтым, и никаких телефонов под яблоней не валялось.

— Это что ещё такое? — спросила Катя вслух.

Она замерла на секунду, раздумывая. Кроссовки были белоснежными — мама только вчера их отмывала. Трава под яблоней после дождя превратилась в грязь. С другой стороны — любопытство оказалось сильнее. В животе у Кати что-то ёкнуло — не страх, а скорее пред- вкушение. Так ёкает живот в самолёте, когда он отрывается от земли.

— Эх, была не была, — сказала она и, перешагнув через лужу, зашагала к яблоне.

При ближайшем рассмотрении нечто и правда оказалось семенем. Арбузным семенем — только размером примерно с небольшую сливу. Чёрное, с характерными светлыми крапин- ками, оно лежало прямо на земле, словно кто-то специально положил его туда. Трава вокруг была примята, но не так, как приминается трава под ногами или колёсами. Стебли были вдав- лены в землю равномерно, как будто сверху давило что-то круглое и тяжёлое. Катя машинально подняла голову — ветки яблони были голыми, и никаких арбузов на них, разумеется, не росло.

— Арбуз в октябре? — удивилась она. — Странно.

Она нагнулась, осторожно подняла семечко двумя пальцами. На ощупь оно оказалось удивительно гладким — не шершавым, как арбузные семечки, которые она привыкла выковы- ривать из ломтя в августе, а идеально гладким, как морская галька. И ещё — тёплым. Отчёт- ливо, несомненно тёплым, несмотря на то, что воздух остыл градусов до десяти. Катя поднесла его к лицу и вдохнула запах. Пахло... ничем. Вообще ничем. Как будто семечко было не из этого мира и ещё не научилось пахнуть.

Она провела по нему большим пальцем — и тут произошло странное.

Семечко вдруг сменило цвет. С привычного чёрного оно стало голубым, потом ярко- красным, потом золотистым — и снова вернулось к чёрному. Всё это заняло не больше секунды, но Катя успела почувствовать лёгкое покалывание в пальцах — как будто семечко пропустило через неё слабый электрический разряд.

А потом — на самом краю сознания — ей послышался звук. Низкий, далёкий гул. Не шум машин с соседней улицы. Не гул самолёта в небе. Что-то иное. Как будто где-то глубоко под землёй работал огромный механизм — вращались невидимые шестерни, вздыхали поршни размером с дом. Катя даже посмотрела под ноги, на мгновение испугавшись, что земля сейчас разверзнется и поглотит её. Но гул уже исчез, словно его и не было.

Барсик, до этого сидевший неподвижно, вдруг выгнул спину, зашипел — и стремглав бросился прочь, даже не оглянувшись.

— Вот это номер, — выдохнула Катя. — Оно что, на батарейках?

Из-за туч выглянуло солнце, и его лучи заскользили по мокрой листве. Катя решила, что ей просто показалось — игра света и тени, случайный шум ветра. Или у неё разыгралось воображение. Мама всегда говорила, что у Кати слишком богатая фантазия.

Она ещё раз повертела семечко в пальцах. Оно снова было просто чёрным. Просто тёп- лым. И очень странным.

— Ладно, разберёмся потом, — сказала она и сунула находку в карман куртки.

До школы она пробежала за пять минут. Она сама не поняла, как получилось — просто перешла на бег и вдруг обнаружила себя у школьных ворот. Дыхание не сбилось, сердце не колотилось. Как будто время уплотнилось и утрамбовало расстояние. Она не придавала этому значения — мало ли какие чудеса бывают, когда опаздываешь.

Матвей, сидевший на первой парте, обернулся, когда она влетела в класс, и показал большой палец. Катя улыбнулась в ответ и села на своё место. Успела. Ровно в восемь тридцать. Нина Сергеевна даже не посмотрела в её сторону.

Весь день рука в кармане сжимала арбузное семечко. И весь день оно было тёплым. Даже сквозь ткань куртки — как будто в кармане лежал не кусочек странного растения, а крошечный обогреватель на батарейках. На математике оно потеплело, когда Катя решила сложную задачу. На русском — когда она написала диктант без единой ошибки. На физкультуре — когда поймала мяч, который летел ей прямо в лицо. Катя уже не была уверена, связано ли это вообще — может, семечко просто жило своей жизнью, а она придумывала совпадения.

Вечером, когда мама мыла посуду, а папа смотрел футбол, Катя достала семечко из кармана и положила на письменный стол. Придвинула настольную лампу поближе. Покрутила. Понюхала. Ничего. При свете лампы крапинки на чёрной поверхности казались крошечными созвездиями. Если прищуриться, можно было представить, что смотришь в телескоп на ночное небо, только небо это было чёрным, а звёзды — неподвижными.

— Ну давай, — прошептала она, нажимая на семечко указательным пальцем. — Сделай что-нибудь.

Семечко лежало — чёрное, с белыми крапинками — и не делало ровно ничего.

Катя сунула его в стакан с водой — вдруг оно волшебное и требует полива? — и пошла чистить зубы. Когда вернулась, семечко плавало на поверхности. Вода вокруг него чуть светилась — голубоватым, едва заметным светом, как экран телефона в темноте.

— Мама! — крикнула Катя и тут же прикусила язык.

А что она скажет? «Мама, у меня семечко светится»? Мама подумает, что у дочери жар, и заставит пить молоко с мёдом. Катя ненавидела молоко с мёдом. Его вкус ассоциировался с простудой, больничным и скукой.

Она вытащила семечко из стакана, вытерла салфеткой и спрятала под подушку.

— Завтра разберусь, — сказала она. — Если оно не исчезнет.

Ночью Катя проснулась от того, что под подушкой было тепло. Как грелка. Она сунула руку, нащупала семечко — оно пульсировало, как маленькое сердце. Тук-тук. Тук-тук. Ритм был медленным, убаюкивающим. Катя хотела выбросить его в окно — инстинкт самосохранения на секунду взял верх над любопытством. Но она представила, как семечко лежит на мокрой траве под яблоней, одинокое и ничьё, — и передумала. Вместо этого положила его на подоконник и долго смотрела на него, пока не уснула.

Ей приснился странный сон. Будто она стоит в длинном белом коридоре, а по стенам тянутся чёрные нити — тонкие, как паутина, но плотные, словно корни старого дерева. Нити пульсировали, и от них исходил низкий гул, похожий на работу холодильника. Тот самый гул, который она слышала утром у яблони, — только теперь он был громче, настойчивее.

Катя пошла вдоль стены, ведя по нитям пальцами. Они были холодными и слегка липкими, как остывший воск. Коридор привёл её в огромный зал, где на возвышении стояли фигуры в мантиях. Их лиц она не видела — только силуэты, чёрные на фоне яркого света, который лился неизвестно откуда. Катя чувствовала, что они смотрят на неё, хотя глаз у них не было.

Одна фигура повернулась. Катя не узнала голос — он звучал как эхо, многократно повторённое, как будто кто-то говорил со дна глубокого колодца: «Резонанс трещины... достаточный... можно начинать забор...»

Под ногами у неё вдруг разверзлась темнота — не просто яма, а что-то живое, дышащее. Из темноты тянуло холодом и странным, сладковатым запахом, как от переспелых фруктов. Катя закричала — и проснулась.

За окном светало. Семечко на подоконнике больше не пульсировало — лежало тихо, обычное чёрное семечко с белыми крапинками. Самое обыкновенное. Как будто ничего не случилось.

— Приснится же такое, — пробормотала она и пошла чистить зубы.

На ладони, там, где она касалась семечка ночью, остался маленький белый полукруг — след. Как будто оно поставило на неё свою печать. Катя потёрла его — не стиралось. Потёрла мылом — не сошло.

Катя посмотрела на своё отражение в зеркале над раковиной. Отражение смотрело на неё серо-голубыми глазами и, кажется, знало больше, чем она сама.

— Ладно, — сказала отражению Катя. — Будем считать, что это солнечный ожог. В октябре. От лампочки.

Отражение не ответило. Но Кате показалось, что уголок его губ чуть дрогнул в усмешке. Или это была игра теней. Или у неё действительно слишком богатая фантазия.

Дневник Ленки Сидоровой

Сегодня утром я видела Дежину из окна.

Я вообще часто смотрю в окно. Не потому, что мне интересно, кто там ходит. Просто когда смотришь в окно, можно не думать о том, что происходит дома. Мама ещё спала — она теперь спит допоздна, с тех пор как её уволили. Папа ушёл на работу в шесть. В квартире было тихо, а тишина в нашей квартире хуже крика. В крике есть жизнь. В тишине — ничего.

Поэтому я стояла у окна и смотрела во двор. И тут появилась она.

Дежина вышла из подъезда в своих дурацких белых кроссовках, которые её мама вечно отмывает. Волосы торчали в разные стороны — проспала, наверное. Спешила. Она всегда спешит, эта Дежина. Отличница, правильная девочка, у которой всё по расписанию.

Я хотела уже отойти — надоело, — но она вдруг остановилась у старой яблони. Просто стояла и смотрела под ноги, как будто там было что-то интересное. А потом нагнулась. И подняла что-то с земли.

Что-то чёрное. Размером с крупную монету. Оно блеснуло.

Я прижалась к стеклу. Дежина вертела эту штуку в пальцах, и мне показалось — оно сверкнуло не белым, а голубоватым. Как экран телефона в темноте. Хотя солнце светило жёлтым, и никаких телефонов под яблоней не валялось.

А потом она оглянулась. Проверила, не видит ли кто. И сунула находку в карман куртки.

Я отошла от окна, чтобы она меня не заметила.

Почему? Почему всегда она? Наверное, у неё мама говорит «ты лучшая», а у меня — «бестолочь»? Почему у неё всегда всё получается, даже странные чёрные штуки сами падают ей под ноги? Почему ей — секреты и приключения, а мне — только окно и тишина?

Нет уж. Дежина что-то скрывает. Я узнаю, что это. Если у неё появился секрет — я его раскопаю. Не потому, что мне интересно. А потому, что не может быть, чтобы всё всегда доставалось только ей.

Глава 2. Летающий арбуз

На следующее утро Катя проснулась сама — без привычных маминых окриков, без будильника. Солнечные лучи пробивались сквозь листву за окном и ложились на подушку золотистыми полосками.

— Странно, — зевнув, сказала Катя. — Обычно так трудно вставать.

Она потянулась, села на кровати и посмотрела на часы. Семь тридцать. У неё было целых полчаса до выхода. Редкость.

Вернувшись в комнату после умывания, она бросила рассеянный взгляд в окно — и замерла.

Прямо перед окном теперь висел... арбуз. Огромный, полосатый, поблескивающий на солнце. Он был размером с большой надувной мяч — нет, больше. И он парил в воздухе.

Катя моргнула раз, другой. Арбуз никуда не исчез. Он медленно вращался вокруг своей оси, словно демонстрируя себя со всех сторон. Корка его была тёмно-зелёной, с яркими полосами, и на солнце она отливала серебром. И что самое удивительное — спешащие по своим делам прохожие не обращали на него никакого внимания.

— Может, у меня температура? — вслух спросила Катя.

Она пощупала лоб. Лоб был нормальный.

Катя быстро оделась, схватила телефон и побежала на улицу. Подбежав к арбузу, она сделала снимок. Потом ещё один. Открыла галерею. На фотографии был куст гортензии, дерево, кусочек неба с облаком — и ничего больше. Никакого арбуза.

— Да что за ерунда?! — воскликнула Катя.

Она попробовала снять видео — результат был тем же. Арбуз упорно не желал фотографироваться.

— Мама! Папа! — закричала Катя, вбегая в квартиру. — Идите скорее сюда!

Родители вошли в комнату. Мама нахмурилась, глядя на Катю, а не в окно. Папа застыл в дверях, переводя взгляд с дочери на жену.

— Вон там! — Катя ткнула пальцем в арбуз. — Видите?

Родители уставились в окно. Папа прищурился. Мама наклонила голову набок.

— И что там? — спросил папа.

— Вы что, не видите?! — голос Кати дрогнул. — Там же арбуз! Огромный, висящий над землёй арбуз!

Родители переглянулись. Мама осторожно дотронулась до лба Кати.

— Температуры вроде нет.

— Дочь, — папа вздохнул. — Если ты не хочешь идти в школу, можно просто сказать. Не нужно выдумывать летающие арбузы.

— Я не выдумываю! — Катя чуть не заплакала. — Он там! Я его вижу!

Она снова посмотрела в окно. Человек в сером пальто прошёл в двух метрах от арбуза, даже не повернув головы. Мало того — дворový кот Барсик, рыжий толстяк, умудрился пройти сквозь арбуз. Просто нырнул в него и вынырнул с другой стороны, даже усом не повёл.

— Вот видишь? — папа развёл руками. — Пусто.

Мама взяла Катю за руку.

— Давай так. После школы мы с тобой сходим к врачу. А сейчас — собирайся.

Катя хотела спорить, но посмотрела на мамино лицо и поняла: бесполезно. Она молча оделась, взяла портфель и вышла из дома. По дороге она ещё раз оглянулась на арбуз. Он висел на месте. Барсик сидел под ним и умывался.

Весь день в школе Катя не могла думать ни о чём, кроме летающего арбуза. На математике она перепутала умножение со сложением. На русском написала «арббуз» вместо «арбуз». На физкультуре чуть не уронила мяч, потому что смотрела в окно.

— Дежина, с тобой всё в порядке? — спросила учительница.

— Да, — ответила Катя. — Всё отлично.

Но это была неправда.

На большой перемене, когда Катя стояла в очереди в столовую, к ней подошла Ленка Сидорова. Она была одна, без своей обычной свиты, и это уже настораживало.

— Видела, как ты с деревом общалась, — сказала Ленка, растягивая слова. — Может, тебе к психологу сходить? У меня тётя работает в детской поликлинике. Могу записать.

— Отстань, Сидорова, — буркнула Катя.

— А что? Я же по-дружески, — Ленка улыбнулась своей противной улыбочкой. — Просто странная ты какая-то в последнее время. Что это было с утра?.

Катя насупилась.

— Я не разговаривала с деревом.

— Разговаривала, — Ленка прищурилась. — Я из окна видела. Ты стояла под яблоней и шептала что-то. А потом нагнулась и подняла что-то с земли. Что ты там нашла, Дежина?

Катя похолодела. Ленка видела, как она подбирала семечко.

— Ничего, — сказала она. — Монетку.

— Монетку, — передразнила Ленка. — Ты у нас коллекционер что ли.

Она развернулась и пошла прочь, а Катя осталась стоять с колотящимся сердцем. Ленка что-то заподозрила. И это было плохо. Очень плохо.

Домой Катя не шла — она бежала. Она должна была увидеть арбуз снова. Должна была убедиться, что он не исчез.

Арбуз никуда не делся. Он висел на том же месте, медленно вращаясь. Барсик под ним спал, свернувшись клубочком.

Катя сбросила рюкзак в прихожей и выбежала во двор. Подошла к арбузу. Остановилась в двух шагах. Сердце стучало так сильно, что, казалось, его слышно на всю улицу.

— Ну, давай, — прошептала Катя. — Что ты такое?

Она глубоко вздохнула, зажмурилась и протянула руку.

Ладонь упёрлась во что-то тёплое и шершавое. Катя открыла глаза. Её пальцы касались арбузной корки — самой настоящей, полосатой, чуть влажной.

— Так, — сказала она. — Он настоящий. Я его трогаю. Значит, я не сошла с ума.

Она отдернула руку — и арбуз снова стал полупрозрачным. Коснулась опять — твёрдый, шершавый, настоящий. Убрала руку — призрачный.

Катя сунула ладонь в карман и нащупала семечко. Оно пульсировало — часто-часто, как будто подстраиваясь под её сердцебиение. Она вытащила его и поднесла к арбузу. Семечко засветилось ровным голубоватым светом, и в тот же миг весь арбуз стал плотным, материальным, настоящим — до последней полоски.

— Так вот в чём дело, — прошептала Катя. — Ты — замок. А семечко — ключ. Без ключа тебя никто не видит и не трогает. Как портал, замаскированный под арбуз. Интересно, кто до этого додумался?

Она провела ладонью по поверхности. Арбуз перестал вращаться. По его корке пробежала лёгкая рябь. А потом — совершенно бесшумно — в арбузе открылась дверь.

Катя вскрикнула и отскочила назад, наступив на мамин любимый куст роз. Ветка хрустнула.

Дверь была прямоугольной, аккуратной. Секунду назад на её месте была целая корка — и вот пожалуйста, проход. Внутри не было ничего, кроме мягкого, ровного света.

— Ну, — сказала Катя, чувствуя, как коленки начинают дрожать. — И что теперь?

Она посмотрела на окна своей квартиры. Родители ещё не вернулись с работы. Никто не смотрел. Только Барсик приоткрыл один глаз, лениво зевнул и снова заснул.

— Ладно, — выдохнула Катя. — Была не была.

Она шагнула внутрь.

Сразу же её подхватила какая-то сила и потянула вперёд. Катя открыла глаза и оказалась в огромном светлом зале. Стены скрывал туман, который светился изнутри. Пол был гладким и казался прохладным.

Она обернулась. Позади не было никакой двери. Только туман.

— Мамочки, — прошептала Катя.

На дальней стене, прямо на тумане, появилось изображение. Женщина — красивая, с серебристыми волосами и ярко-голубыми глазами — улыбнулась и произнесла что-то на незнакомом языке.

— Я... я не понимаю, — выдавила Катя.

Женщина повторила. Теперь слово звучало иначе — мягче, медленнее.

— Здравствуйте, — чуть слышно сказала Катя.

Изображение слегка исказилось — и снова стало чётким.

— Здравствуй, Катя, — сказала женщина на чистом русском языке. — Меня зовут Мериандра. Я информационная система Школы Хранителей Времени. Не бойся, ты в безопасности.

— Где я? — спросила Катя. — И откуда вы знаете моё имя?

— Ты в терминале. Время здесь не течёт так, как ты привыкла. Семя, которое ты нашла, — это ключ. Твой ключ.

— Ключ к чему?

— К школе. К твоим способностям. К ответам на вопросы, которые ты пока не умеешь задавать.

Катя открыла рот, закрыла, снова открыла.

— Я ничего не понимаю. Я просто школьница. Мне двенадцать лет.

— Возраст не имеет значения, — ответила Мериандра. — Важны способности. А они просыпаются именно в детстве. Взрослые теряют дар чувствовать время. Ты же — можешь.

— Откуда вы знаете?

— Ты уже коснулась семени. Ты вошла в портал. Ты видишь меня и слышишь. Этого достаточно.

Мериандра взмахнула рукой — и перед Катей возник огромный светящийся Шар. Внутри него переливались тысячи огней, ветвились дорожки, складывались в узоры. Это было красиво — как карта звёздного неба, только живая, дышащая.

— Это древо вариантов твоего будущего, — сказала Мериандра. — Каждый выбор, который ты сделаешь, зажжёт новую ветвь или погасит старую.

Катя смотрела как заворожённая. Огни танцевали, и на секунду ей показалось, что она видит себя — в школьной форме, с портфелем, смеющуюся. Потом — другую себя, сидящую в темноте и плачущую. Картины сменяли друг друга так быстро, что голова пошла кругом.

А потом Шар мигнул.

Все огни в нём разом потускнели. Сквозь изображение проступили чёрные трещины — как паутина на лобовом стекле. В центре Шара образовалась пустота — абсолютно чёрная, не отражающая света дыра. От неё тянуло холодом, и на секунду Катя снова услышала тот самый низкий гул из сна.

И тут Шар исчез.

— Что это было? — прошептала Катя.

— То, о чём тебе пока не нужно знать, — ровным голосом ответила Мериандра. — Со временем ты узнаешь больше. А пока — тебе пора возвращаться. Ты можешь уйти в любой момент. Повернись назад и протяни руку ладонью вперёд.

Катя не заставила себя упрашивать. Она развернулась, протянула руку — и туман расступился. Через секунду она стояла в палисаднике, дыша так часто, как будто только что пробежала стометровку.

Арбуз висел на месте. Сердце ухнуло куда-то вниз. В голове шумело.

— Нужно кому-то рассказать, — прошептала Катя. — Маме. Или папе. Кому угодно.

Она вбежала в подъезд, взлетела на второй этаж, открыла дверь ключом и зашла в квартиру. Проскользнула в свою комнату и остановилась как вкопанная.

На стуле у её письменного стола сидела девочка. Такая же, как она. Те же светлые вьющиеся волосы, собранные в хвост. Тот же телефон в руке. Та же кофта с принтом. И глаза — такие же, как у Кати: серо-голубые, но сейчас они казались пустыми, стеклянными.

Девочка приложила палец к губам.

— Тш-ш-ш, — сказала она. — Не кричи. И дверь закрой. Слушай меня внимательно. Времени мало. Всё, что с тобой происходит, — правда. Ты должна идти в Школу. Овладеть способностями. Это единственный способ...

Катя смотрела на двойника во все глаза. В животе похолодело. Что-то было не так. Копия выглядела слишком... стёртой. Одно ухо у единорога на кофте двойника было заштопано чёрной ниткой, а у самой Кати — серой. И глаза двойника не просто грустные — они были пустые, стеклянные.

— ...ты должна остановить катастрофу, — продолжала бубнить девочка. — Напиши на руке имя мамы. Это пригодится.

— Зачем? — прошептала Катя.

Двойник склонила голову набок. В этом движении не было ничего человеческого. Шея дёрнулась рывком.

— Чтобы я знала, кого забирать первой, — сказала она вдруг совсем другим, скрипучим голосом, и улыбнулась слишком широко.

Катя почувствовала приступ страха. Воздух в комнате стал ледяным. И ещё — она почувствовала запах. Станный, резкий, как после грозы — озон. И что-то сладкое, приторное, как переспелые фрукты.

Двойник моргнула. Пустота в глазах сменилась растерянностью.

— Я... я пошутила, — торопливо сказала она. — Мне пора. Правда пора.

Она встала и выскользнула за дверь. Катя на ватных ногах подошла к окну и выглянула во двор.

Двойник быстро шла к арбузу. Барсик проснулся, поднял голову и зашипел — впервые за всё время. Шерсть встала дыбом. Двойник остановилась у самой корки арбуза. Положила на неё ладонь. А потом вдруг обернулась и посмотрела прямо на Катино окно. Их взгляды встретились.

Двойник беззвучно, одними губами, произнесла три слова. Катя не расслышала — ветер унёс звук. Но она увидела движение губ. Запомнила его.

А потом двойник коснулась светящейся корки — и рассыпалась пеплом. Не исчезла в вспышке света, не растворилась в воздухе — просто осыпалась серой, невесомой пылью, которую тут же подхватил ветер и унёс в сторону мусорных баков.

На том месте, где она стояла, остался только чёрный обугленный след на траве — тонкий, изогнутый, похожий на трещину. Барсик осторожно подошёл к нему, понюхал, чихнул и, задрвав хвост, потрусил прочь.

Катя ещё долго стояла у окна, повторяя про себя движение губ двойника. Три слова. Что она хотела сказать?

Она не знала. Но запах озона и сладких фруктов запомнила навсегда.

«Если я не пойду, ничего не случится, — подумала Катя. — Я вообще не умею спасать миры. Я даже формулы на геометрии освоить не могу».

Она легла в кровать и натянула одеяло до подбородка.

«Я не пойду, — твёрдо решила она. — Пусть взрослые разбираются».

Но заснуть она не могла. Всё ворочалась, а перед глазами стояло лицо двойника и слова: «Чтобы я знала, кого забирать первой».

Катя села на кровати. В комнате было темно, но арбуз за окном слабо светился. Она смотрела на него целую минуту. Потом встала.

— Ладно, — сказала она. — Но только посмотреть. Я ничего не обещала.

Она подошла к столу, взяла ручку и аккуратно, печатными буквами, вывела на тыльной стороне ладони: «Маму — Анна». Рука дрожала.

Глава 3. Выбор

В эту ночь Кате снилось странное. Ей снился Матвей — не такой, как обычно, а взрослый, в белом халате. Он держал в руках пробирку с жёлтой жидкостью и улыбался.

— Получилось! — крикнул он. — Теперь дети не будут умирать!

А потом в его спине открылась чёрная трещина, и Матвей начал исчезать — сначала ноги, потом руки, потом лицо. Он не кричал. Просто улыбался до последнего, пока не осталась одна пробирка, а потом и она рассыпалась в пыль.

Катя проснулась с неприятным ощущением. Часы показывали 6:15. Арбуз за окном всё ещё висел.

«Это был просто сон, — подумала она. — Или не просто?»

Она села на кровати. На руке красовалась надпись: «Маму — Анна». Вчерашние сомнения никуда не делись, но теперь к ним примешивалось что-то новое. Страх. Не за себя — за Матвея.

— Если я не пойду, он не сделает своё лекарство, — почему-то прошептала она.

Катя оделась, на цыпочках прошла в прихожую и выскользнула на улицу.

Арбуз висел на том же месте. В раннем утреннем свете он казался почти прозрачным. Катя остановилась в трёх шагах.

— Ну, — сказала она вслух. — И что теперь?

Никто не ответил. Даже кот, который спал под деревом.

Катя протянула руку. Корка была тёплой и чуть шершавой. Она закрыла глаза и шагнула вперёд.

На этот раз путешествие было не таким резким. Вместо рывка её мягко потянуло внутрь, как будто невидимые руки подхватили и понесли сквозь светящийся туман. Катя открыла глаза — вокруг неё кружились разноцветные искры, складываясь в узоры, похожие на звёздные карты.

— Не бойся, — раздался голос Мериандры. — Это поток времени.

Туман рассеялся, и Катя оказалась в том же светлом зале, что и в прошлый раз. Мериандра стояла перед ней — полупрозрачная, спокойная.

— Ты вернулась, — сказала она. — Хорошо.

— Почему семя нашло именно меня? — спросила Катя.

Мериандра улыбнулась.

— Семена времени не появляются случайно. Они попадают туда, где в сердце ребёнка есть трещина. Страх. Одиночество. Желание защитить кого-то. У тебя — страх. Ты боишься, что тебя перестанут любить за ошибку. И ты боишься не только за себя. Но есть и другая причина, о которой ты сможешь узнать только в Школе.

— А если бы я боялась только за себя?

— Тогда ты бы ничего не увидела. Семя не откликается на страх только за себя.

Катя замолчала.

— А злодей может найти семя? — спросила она.

— Среди детей нет злодеев, — твёрдо сказала Мериандра. — Это аксиома, то есть то, что не требует доказательств.

Катя помнила это из уроков математики. Возможно, только это, так как математика давалась ей особенно тяжело.

На дальней стене появилось изображение — тот самый Шар вариантов, но теперь он был меньше и ярче. Мериандра показала, как одно маленькое действие рождает сотни новых миров. Каждый выбор — новая вселенная.

Катя смотрела заворожённо, но одновременно ей стало тревожно: она вспомнила чёрные трещины, расплывавшиеся по Шару в прошлый раз. Мериандра ничего о них не сказала. И это молчание казалось Кате громче любых слов.

Шар погас. Вместо него перед Катей появились две открытые двери. Одна — деревянная, с табличкой «Выход», очень похожая на дверь в её комнату. Вторая — из живого света.

— Если ты войдёшь в Школу, ты научишься видеть эти миры. Но ты никогда не сможешь управлять ими или даже поменять что-то существенное. Так как все это подчинено строгим

правилам. И надо быть готовой к последствиям манипуляций со временем. Ты будешь терять воспоминания. Друзей. Лица. Каждое твое вольное или невольное действие может убивать тысячи вариантов будущего. Ты готова?

Катя посмотрела на деревянную дверь. Там была привычная и довольно однообразная жизнь, в которой самое страшное — тройка и заговоры сверстников.

— Почему я? — еще раз спросила Катя.

— Ты боишься не за себя, — повторила Мериандра. — Даже твой страх не оправдать доверие не эгоистичный. Ты не хочешь, чтобы близкие расстраивались.

— То есть, я выбираю не потому, что я смелая. А потому, что боюсь не оправдать доверия своих родителей больше, чем всего остального?

— Да, но не только это, — уклончиво ответила голограмма.

— Ко мне приходила моя копия, которая убеждала меня принять это предложение и делала какие-то угрожающие намеки. Она была очень странной. И пугающей.

— Это было недопустимое действие. Совет с этим разберется, — спокойно ответила Мериандра.

— Совет?

— Тот, что управляет Школой и контролирует время в течение многих веков.

Катя кивнула, не особенно понимая, о чем идёт речь. После короткого раздумья она решительно шагнула к светящейся двери. Свет всколыхнулся.

Катю ослепило на секунду — а когда зрение вернулось, она стояла на мостовой из блестящих камней, которые мягко мерцали под ногами. Каждый шаг отзывался лёгкой вибрацией.

Впереди высился целый город из стекла, металла и приглушённого света. Причудливая архитектура, отчасти напоминавшая новые станции московского метро, несколько отдельно стоящих зданий, похожих на общежития. Где-то в глубине, под фундаментом этого города, ей снова почудился тот самый низкий гул — далёкий, едва слышимый. Как будто что-то огромное ворочалось глубоко под землёй.

— Красиво, — выдохнула Катя. — Но страшно.

— Не бойся, — подбодрила Мериандра, появляясь рядом. — Страх — это нормально.

Дверей в привычном смысле слова у здания не было. Прямо с мостовой Катя и её призрачная спутница вступили в огромный зал. Здесь на стенах мерцали трёхмерные картины: египетские пирамиды, рыцари в доспехах, первый полёт человека в космос. На одной из картин женщина в странной одежде держала в руках песочные часы — и песок в них сыпался снизу вверх.

— Это история, — сказала Мериандра. — Настоящая. Не та, что вы изучаете в школах. Поверь, она сильно отличается от того, что написано в учебниках.

— А почему одни картины яркие, а другие тусклые?

— Это означает, что в этот временной период произошли какие-то вмешательства. И именно этим Хранители и занимаются — коррекцией.

Они пошли по широкому коридору. В дальнем конце Катя разглядела темную дверь с изображением большого циферблата часов без стрелок.

— А это что?

— Тишина, — коротко ответила Мериандра. — Туда приходят, когда устают быть Хранителями.

Дальше коридор расширился, и Катя увидела впереди мягкий золотистый свет. Они вышли в небольшой парк. Воздух здесь был чуть плотнее и теплее, как в летний полдень. Вокруг росли деревья с яркими листьями, которые почему-то не опадали, несмотря на осень. В центре парка располагался большой пруд с водой, напоминавшей жидкий свет.

— Это Сад Времени. Здесь время течёт медленнее, — объяснила Мериандра. — В пять, в десять раз медленнее, чем снаружи. Это зависит от разных обстоятельств, о которых тебе расскажут на занятиях.

Она проводила Катю в небольшую, но уютную комнату: кровать, письменный стол из тёмного дерева, книжная полка, шкаф и большое окно, выходящее в Сад Времени. На стене висели часы, стрелки которых двигались почему-то в обратную сторону.

— Привыкнешь, — сказала Мериандра. — Отдыхай. Через час обед.

Она растворилась.

Катя осталась одна. Она подошла к окну, посмотрела на Сад Времени. Над деревьями кружили какие-то птицы с длинными хвостами, их хвосты оставляли в воздухе светящиеся следы. В пруду отражались листья — но Кате на секунду показалось, что в глубине пруда что-то шевельнулось. Что-то тёмное. Она моргнула — и видение исчезло.

— Странное место, — прошептала Катя. — Но красивое.

Она села на кровать и вдруг почувствовала, что сейчас может заплакать. Мама. Что она сейчас делает? Наверное, зашла в её комнату, увидела пустую кровать и кричит: «Катя! Ты где?»

А Катя здесь. В другом измерении. И неизвестно, когда вернётся.

Она посмотрела на свою руку. «Маму — Анна». Сейчас это было чуть ли не единственное, в чём она была уверена.

А в московском дворе, у старой яблони, Барсик проснулся, посмотрел на призрачный арбуз и снова заснул. С арбуза упала капля воды. Или это была капля времени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧУЖАЯ

Глава 4. Столовая

Через час в комнате Кати звякнули настенные часы. В них открылось окошко, и нечто похожее на кукушку сказало: «Обед». На полу засветилась узкая зелёная полоска, похожая на указатель маршрута. Катя пошла вдоль неё.

Выйдя в длинный коридор, она увидела, как на всём его протяжении открываются двери и выходят такие же, как она, дети. Они шли молча или переговаривались вполголоса, и Катя почувствовала себя маленькой песчинкой в огромном потоке.

Коридор привёл её в Галерею Отражений. Катя ступила на полированный пол и вздрогнула: вместо её отражения в ближайшей зеркальной панели мелькнула старуха в чёрном платке, вяжущая бесконечный носок. В следующей панели шёл дождь, и рыцарь в ржавых доспехах застыл с поднятым забралом. Отражения учеников, идущих рядом, тоже жили своей жизнью: чьё-то отражение махало рукой, хотя сам мальчик шёл опустив голову.

— Лучше не смотри долго, — раздался тихий голос.

Катя обернулась. Рядом стоял невысокий мальчик с тёмными кудрями. Он смотрел в пол.

— Это не зеркала, — сказал он. — Это окна в застывшие мгновения чужих жизней. Если долго смотреть, начинает казаться, что это ты стоишь под дождём, а не тот рыцарь. Меня, кстати, зовут Гоша.

— Катя, — ответила она. — Спасибо, что предупредил.

Гоша кивнул и быстро пошёл вперёд, не оглядываясь. Катя проводила его взглядом. Станный мальчик. Но, кажется, не опасный.

Сделав несколько поворотов, Катя оказалась в большом зале. Она ожидала увидеть что-то вроде традиционной школьной столовой — шумной, тесной, с длинной очередью за пирожками. Но этот зал больше походил на амфитеатр или внутренний двор огромного колодца.

Катя задрала голову.

Потолка не было видно. Столы поднимались ярусами вдоль стен, уходя высоко вверх, в туманную дымку под самым куполом, где клубился живой, переливающийся свет. Это было

похоже на гигантский улей, выдолбленный в скале. Там, на верхних галереях, двигались ещё сотни теней — дети спускались по винтовым лестницам, переходили по узким мостикам, садились за столы.

Катя слышала обрывки разговоров. Они звучали на разных языках. Резкие, гортанные фразы, похожие на арабские. Плавная, певучая речь — то ли французский, то ли итальянский. Мальчик с тёмной кожей и очень светлыми глазами прошёл мимо, перебрасываясь словами с девочкой, у которой были длинные чёрные волосы и смуглое лицо.

Школа гудела, как улей. И Катя, стоя в дверях, вдруг остро почувствовала: она — песчинка. Одна из тысяч.

Она подошла к стойке, взяла поднос, на котором сразу же появилось её имя, и вставила его в устройство выдачи, как делали другие. Через секунду на подносе оказалось несколько блюд. Тут было что-то похожее на суп с золотистыми шариками вместо лапши и хлеб, который пах почему-то морем.

Катя села за свободный столик в углу. Суп с золотистыми шариками пах странно — не то корицей, не то хвоей. Катя попробовала. Не мамин, конечно, но съедобно.

Она украдкой разглядывала зал. За дальним столом девочка с тёмной косой вдруг замерла с ложкой на полпути ко рту. Её глаза будто остекленели, губы беззвучно зашевелились. Прошло секунд пять. Девочка вздрогнула, как будто её окликнули, и продолжила есть, даже не заметив паузы.

За другим столом вихрастый веснушчатый мальчик что-то бурно рассказывал соседям, размахивая руками. В какой-то момент он случайно смахнул вилку со стола. Вилка полетела вниз — и зависла в воздухе на целую секунду дольше, чем должна была. Мальчик поймал её, даже не взглянув, и продолжил говорить. Никто не заметил.

А третий — кудрявый, тихий, тот самый Гоша из галереи — сидел в углу с книгой. Катя на секунду отвела взгляд, а когда посмотрела снова, стул был пуст. Она обвела зал глазами и нашла его через несколько секунд у стойки с подносами. Он накладывал себе добавку с таким видом, будто и не перемещался телепортом через всю столовую.

Катя опустила глаза в тарелку, но через минуту снова подняла взгляд — и замерла.

За преподавательским столом, отделённым от ученического невысокой перегородкой, сидел один из взрослых. Как ей показалось, с разноцветными глазами — карим и зелёным. Перед ним стояла кружка с чем-то тёмным — то ли чай, то ли кофе. И он не пил. Просто смотрел в кружку, иногда поднося её к губам, но, похлже, так и не делая глотка.

Катя наблюдала за ним минуту, две, три. Уровень жидкости в кружке не менялся. Вообще. Как будто это была не кружка, а картинка кружки.

Она перевела взгляд на его тарелку. Тарелка была пуста. Идеально чистая, словно её только что достали из посудомоечной машины. Но преподаватель сидел за столом уже минут десять, не меньше.

— Его зовут Каллист, — раздался тихий голос.

Катя вздрогнула. Рядом стояла та самая девочка с тёмной косой. Она смотрела не на Катю, а на преподавательский стол.

— Ты тоже заметила?

— Что заметила? — спросила Катя.

— Что они не едят. Взрослые Хранители. Я за три месяца ни разу не видела, чтобы кто-то из них съел хоть кусок хлеба. Пьют — да. Иногда. Но жидкость в кружках не убывает.

— Может, им просто невкусно? — попробовала пошутить Катя, имея в виду суп с золотистыми шариками.

Девочка перевела на неё взгляд. Её глаза, тёмные и глубокие, смотрели без улыбки.

— Может. А может, они питаются чем-то другим. Чем-то, чего мы не видим. Меня Аня зовут.

Она развернулась и пошла к своему столу, оставив Катю в растерянности. Катя снова посмотрела на Каллиста. Он сидел неподвижно, глядя в свою кружку, и его разноцветные глаза казались стеклянными. Как у куклы.

«Здесь все странные, — подумала Катя. — Но никто не подходит и не говорит всякой ерунды, как Ленка. Может, это и к лучшему».

Она доела в одиночестве и ушла.

Глава 5. Первый учебный день

На следующее утро Катю разбудил всё тот же звон часов с кукушкой, которая на этот раз сказала: «Уроки». Зелёная дорожка на полу вела уже не в столовую, а в другое крыло Школы — учебное.

Катя шла по коридору и рассматривала других учеников. Все они были одеты в такие же тёмно-синие туники, как у неё в шкафу. Некоторые шли парами, оживлённо болтая. Другие — поодиночке, уткнувшись в какие-то книги или гаджеты. Никто не обращал на Катю внимания, и это было одновременно и обидно, и облегчением.

Коридор был длинным, с высокими сводчатыми потолками, и Катя заметила, что стены здесь не гладкие — они состояли из тысяч маленьких дверец, похожих на ячейки камеры хранения. На некоторых виднелись номера и полустёртые имена, написанные на разных языках — угловатая латиница, плавная вязь, иероглифы. Она замедлила шаг у одной из широких арок, ведущей в боковое ответвление.

Над аркой висела голографическая надпись, выложенная тусклой мозаикой: «КРЫЛО ВОСТОЧНОЕ. ГОДЫ ЗАБОРА: 2005–2010».

«Забора», — мысленно повторила Катя. Слово было казённым, каким-то сельскохозяйственным. Как будто здесь собирали не детей, а урожай. Ей стало не по себе, и она поспешила дальше, туда, где коридор расширился и светлел.

Первым ее уроком стояла «История Хранителей» у мастера Адрианы. Класс оказался обычным прямоугольным залом. Одноместные парты стояли ровными рядами. Стены украшали большие электронные панели, похожие на старые гобелены с изображениями часов всех видов — песочных, солнечных, водных, механических, электронных.

Мастер Адриана вошла неслышно. Это была высокая женщина лет сорока с идеальной осанкой. Волосы убраны в строгий пучок, тёмная мантия без единой складки, на груди — какой-то значок, смысл которого Катя не смогла определить. Но больше всего Катю поразили её глаза — светлые, почти прозрачные, абсолютно ничего не выражающие.

— Садитесь, — сказала она голосом без интонаций. — Сегодня вы узнаете, зачем существует Школа Хранителей Времени и почему каждый из вас здесь.

Класс затих.

— Много столетий назад ткань времени дала трещину, — начала Адриана, и на стене позади неё проявилась светящаяся карта мира, исчерченная золотыми линиями. — Первые Хранители обнаружили, что Время — не поток. Оно похоже на живой организм. И он ранен.

На стене появилось схематическое изображение: семь фигур в мантиях стоят вокруг зияющей черноты.

— Первые создали Школу как оплот, сдерживающий распространение раны. С тех пор мы совершенствуем свои навыки, ищем новых талантливых Хранителей среди детей, так как дети наиболее восприимчивы к времени. Ну, и выполняем их завет: сохраняем целостность нашей реальности.

— Однако не все Хранители были согласны с принятыми правилами, и однажды произошел Великий Раскол.

Катя подняла руку.

Адриана повернула голову — движение было механическим.

— Вопросы потом, — сказала она. — Великий Раскол — попытка группы Хранителей найти и уничтожить источник разрыва в ткани времени. Они называли себя Освободителями и считали, что можно закрыть то, что мы теперь называем Первородной Трещиной. Их попытка, которая фактически стала бунтом, провалилась. За то, что они подвергли опасности весь наш мир, они были стёрты из времени. С тех пор мы очень эффективно сдерживаем разрыв, благодаря вашим талантам.

Она помолчала — и добавила ровным, бесцветным голосом:

— Любая попытка изменения временного континуума приводит к увеличению разрыва. И это то, с чем мы веками боролись и будем бороться впредь. Энергией, которую даете вы.

По классу пробежал едва заметный шёпот. Катя нахмурилась. Что значит — «энергией, которую даёте вы»? Она хотела спросить, но передумала:

— А теперь откройте тетради, что лежат у вас на столах. Тема сегодняшнего занятия: «Почему Хранитель не должен вмешиваться в прошлое». Я буду рассказывать, а вы записывайте.

После урока Катя задержалась. Адриана стояла у окна, глядя в Сад Времени. Её рука машинально касалась затылка.

— Мастер Адриана, — тихо позвала Катя. — Что вы имели в виду, когда сказали про энергию, которую мы даём?

Адриана обернулась.

— Я имела в виду то, что сказала. Ваши уникальные способности — это и есть энергия. Стены, Сад, защитные контуры — всё это питается... благодаря всем нам.

— То есть мы — как батарейки? — опасливо поинтересовалась Катя.

Адриана снова отвернулась к окну.

— Это слишком упрощенное представление, Дежина. Мы все делаем общее дело. Иди. У тебя следующий урок.

Катя вышла в коридор с каким-то странным чувством. Что-то в этой женщине было неправильно. Что-то вынужденное.

Следующим уроком стояла «Этика вмешательства» у мастера Теодора. Кабинет был небольшим, уютным, с книжными полками до потолка и старым глобусом в углу.

Теодор сидел на краю стола, без мантии, в простой серой рубашке. Это был мужчина лет пятидесяти, с усталыми глазами и преждевременной сединой на висках.

— Сегодня у нас много новичков, поэтому без лекций. Разберём кейсы. Правило простое: я описываю ситуацию, вы говорите — можно вмешиваться или нельзя. И главное — почему.

Он взмахнул рукой — на стене появилось изображение: горящий дом, детский силуэт в окне.

— Случай первый. Пожар в Лондоне, 1866 год. В доме ребёнок. Ваши действия?

— Спасти! — крикнул веснушчатый мальчик с первого ряда. Катя узнала его — тот самый, что ронял вилку в столовой.

— Нельзя, — тихо сказала Аня. — Пожар — это естественное событие. Свободная воля. Мёртвая вода.

— Верно, — кивнул Теодор. — Но почему это важно? — он обвёл глазами класс и остановился на Кате. — Новенькая?

Катя вздрогнула.

— Я Дежина, мастер, — представилась она, вставая. — Думаю, если мы спасём ребёнка, его будущие дети и внуки начнут влиять на реальность. Появятся новые линии времени. Тысячи судеб изменятся.

— Именно. — Теодор сменил изображение. — Случай второй. Мост в Париже, 1848 год. Он переместился на два метра левее за одну ночь. Ваши действия?

— Это сбой времени или намеренное вмешательство, — сказала Аня. — Живая вода. Можно корректировать.

— Правильно. А теперь усложним. Представьте: ребёнок тонет в реке. Но вода поднялась из-за сбоя или вмешательства. Кто-то открыл плотину, которая должна быть закрыта. Ребёнок тонет именно из-за аномалии. Что это — живая или мёртвая вода?

Класс замолчал.

— Ответа нет, — сказал Теодор, не дождавшись ответа. — Это пограничный случай. Что вы выберете? Спасти ребёнка и, возможно, нарушить ткань реальности? Или соблюсти закон и дать ему умереть?

Катя подняла руку.

— Я бы спасла.

— Почему?

— Потому что если закон требует дать умереть ребёнку, что-то не так с законом.

В классе повисла тишина. Аня посмотрела на Катю с интересом. Веснушчатый мальчик — тоже. Гоша, сидевший сзади, поднял голову от книги.

Теодор долго смотрел на неё.

— Запишите это в тетради, — сказал он наконец. — Запомните этот ответ. Возможно, когда-нибудь он спасёт вам жизнь. Далее...

После урока Катя шла по коридору, когда её догнал веснушчатый мальчик.

— То, что ты на Этике... это было круто. Я — Макс, — он протянул руку. — Я бы тоже спас. Но не смог бы объяснить почему. А ты как-то хорошо сказала.

— Я просто сказала, что думаю. Может, я была и неправа.

— Вот именно. Ты новенькая, да? Я тут тоже недавно. Осваивайся, народ тут странный, но хороший. Ну, почти все. — Он улыбнулся и убежал догонять Гошу.

Катя проводила его взглядом и впервые за день улыбнулась.

Глава 6. Пустые и первая нить

Прошло несколько дней. Катя всё ещё не знала, в чём её дар. Она ходила на уроки, сидела с Максом, Аней и Гошей в столовой, но чувствовала себя лишней.

На уроке мнемоники мастер Игнациус — низенький лысый человечек с прищуренными глазами — раздавал «якоря памяти», маленькие серебряные кулоны на цепочках.

— Ваша задача — постараться поместить внутрь одно воспоминание, — объяснял он. — Запах, звук, ощущение. Когда память начнёт ускользать после манипуляций со временем, сожмите кулон в кулаке. Это поможет вспомнить нечто по-настоящему важное.

Катя сжала кулон в ладони. Холодный металл. Она попыталась «записать» в него мамин запах — ваниль. Ничего не произошло.

— Получится не сразу, — сказал Игнациус, проходя мимо. — Тренируйтесь каждый вечер.

Катя вздохнула и убрала кулон в карман. Информации было слишком много. К тому же выглядело все это отчаянной абракадаброй, и если бы не все голограммы, светящиеся сады и идущие назад часы, походило бы на какой-то розыгрыш.

А однажды случилось странное. Возвращаясь после ужина она столкнулась с каким-то долговязым молодым парнем. Катя спешила в библиотеку и, завернув за угол, на полной скорости влетела в кого-то, кто стоял посреди коридора, неподвижно глядя в стену.

— Извини, я... — начала она и осеклась.

Парень не отреагировал на столкновение и даже не пошевелился. Он стоял, чуть покачиваясь, и смотрел на стену пустыми, абсолютно стеклянными глазами. Его туника была того же тёмно-синего цвета, что и у всех, но эмблема на груди отсутствовала — только выцветший след, как будто её спороли.

— Эй, — тихо позвала Катя. — Ты в порядке?

Он не ответил. Даже не моргнул.

Чья-то рука легла на Катину плечо. Она вздрогнула и обернулась. Макс.

— Не трогай его. Это Родион. С пятого курса.

— Что с ним?

Макс отвёл её в сторону.

— Говорят, после какого-то прыжка во времени он полностью потерял себя. Что-то произошло, и у него больше нет способностей. Теперь он — Пустой.

— Пустой?

— Да. Я таких видел уже нескольких. Они иногда появляются в столовой, в библиотеке, в коридорах. Их содержат в отдельном корпусе, пытаются лечить, но пока, видимо, не очень удачно.

— И что с ними делают?

Макс помолчал.

— Потом переводят. Так говорят. В какую-то другую Школу. Но никто из переведённых не возвращается. Есть всякие слухи на этот счет, но от преподавателей ответов не добиться.

Родион медленно, механически развернулся и пошёл по коридору. Его шаги были идеально ровными, как у заводной игрушки.

— И часто это случается? — спросила Катя.

— Не знаю. Похоже, чаще чем хотелось бы.

Родион скрылся за поворотом, и Катя вдруг почувствовала холод. Она вспомнила слова Адрианы: «Энергией, которую даёте вы». И трещины на Шаре вариантов. И глухой гул, который ей мерещился под фундаментом Школы. Куски пазла начинали складываться в картинку, которая ей очень не нравилась.

Ночью Катя не могла уснуть. Она вышла в коридор и побрела в сторону Сада Времени.

В Саду всегда было достаточно светло. На скамейке у пруда сидел Теодор. Вновь без мантии, в простой рубашке. Он смотрел на воду неподвижно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.